

На правах рукописи

Чиркова Елена Николаевна

**ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОЗЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)**

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре европейских языков Института лингвистики федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»).

Научный руководитель: **Ковалевская Татьяна Вячеславовна**, доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Добровольский Дмитрий Олегович**, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (ИРЯ РАН), отдел экспериментальной лексикографии, главный научный сотрудник

Седельникова Ольга Викторовна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет» (НИ ТПУ), отделение русского языка Школы общественных наук, профессор

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (МГУ)

Защита состоится «21» апреля 2026 года в 11:00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.07, созданного на базе ФГАОУ ВО «РГГУ», по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6, ауд. 625.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ «РГГУ» и на сайте организации по адресу:

https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Chirkova_EN_228.pdf

Автореферат разослан « ___ » _____ 2026 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Прохватилова Ольга Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено оценке эквивалентности и адекватности перевода лексики с аксиологическим значением, или аксиологем и антиаксиологем, на примере лексем *добро* и *зло* и некоторых однокоренных слов (*доброта, злость, злоба, добрый, злой* и *злой*). Под аксиологемами понимаются лексические единицы, выражающие смыслы, воспринимаемые носителями языка как абсолютные ценности [Кретов, Стародубцева, 2016, с. 140]. Таким образом, аксиологемой в русском языке является лексема *добро*, а лексему *зло* можно считать антиаксиологемой. Иногда (анти)аксиологемы называют аксиологическими терминами: «лексеммы-термины, семантика которых конвенционально и нормативно связана с означиванием оценивающей деятельности человека» [Серебренникова, Антипьев, 2011, с. 49].

Изучением аксиологической лексики занимались такие исследователи, как И.В. Арнольд [Арнольд, 1966], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1984], О.С. Ахманова [Ахманова, 1957], А.Н. Баранов [Баранов, 1989], А. Вежбицкая [Вежбицкая, 2001], Д.Н. Шмелёв [Шмелёв, 2006], Ч. Стивенсон [Стивенсон, 1985], О. Есперсен [Есперсен, 1958], К.-Д. Людвиг [Ludwig, 1986] и другие.

Особенность перевода лексики с аксиологическим значением заключается в том, что относящиеся к ней единицы обозначают абстрактные понятия, имеющие широкую и размытую семантику, что создает для переводчика определённые проблемы при выборе переводных соответствий.

Актуальность данного исследования определяется, во-первых, его проблематикой, поскольку в теории перевода в настоящее время не существует единых общепринятых определений переводческой эквивалентности и адекватности; нерешённым остаётся и вопрос об их соотношении. Во-вторых, актуальным является вопрос о рецепции творчества Ф.М. Достоевского в различных языковых культурах, о чём свидетельствует большое количество работ, посвящённых его переводам [Алексеева, 2007; Головачева, Седельникова, 2002(а), 2002(б); Добровольский, 2004, 2007; Дудкин, Азадовский, 1973; Касаткина, Кузнецова, 2020; Касаткина, 2021; Ковалевская, 2007, 2011, 2024, 2025; Криницын, 2007; Магарил-Ильяева, 2019; Маркова, 2021; Реизов, 1978; Седельникова, Шатохина, 2015; Смоленская, 2024; Филиппова, 2020; Фокин, 2021; Хансен-Кокоруш, 2013 и др.].

Объектом исследования выступают фрагменты оригинальных текстов двух повестей Ф.М. Достоевского, «Записки из Мёртвого дома» и «Записки из подполья», содержащие лексеммы *добро, доброта, добрый, зло, злоба, злость, злой* и *злой* и переводы данных фрагментов на английский и немецкий языки.

Предметом исследования является качество перевода на немецкий и английский языки указанных текстовых фрагментов в аспекте эквивалентности и адекватности перевода.

Цель работы – выработка механизмов применения критериев адекватности и эквивалентности для оценки качества перевода лексики с аксиологическим значением.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

- проанализировать существующие в переводоведении критерии оценки качества перевода;
- систематизировать существующие подходы к понятиям переводческой эквивалентности и адекватности и их соотношение;
- отобрать определения понятий эквивалентности и адекватности перевода, на основании которых проводится данное исследование;
- найти в исследуемых русскоязычных текстах все контексты употребления лексем *добро*, *доброта*, *добрый*, *зло*, *злоба*, *злость*, *злой* и *злойный*;
- найти в отобранных английских и немецких переводах все соответствия данным контекстам, как прямые, так и описательные;
- проанализировать найденные переводные соответствия с точки зрения эквивалентности и адекватности переводческих решений в парах русский / немецкий и русский / английский языки;
- описать возможные сложности, возникающие у переводчиков при работе с лексикой с аксиологической семантикой на примере указанных лексем и их переводных соответствий, их характер и стратегии их преодоления.

Цель работы обусловила выбор **материала** для исследования: и добро, и зло являются ключевыми понятиями в творчестве Ф.М. Достоевского [Валеева, 2017, с. 50]. Материалом послужили 157 контекстов употребления исследуемых лексем, встретившихся в текстах двух указанных повестей Ф.М. Достоевского: *добро* (11 контекстов употребления), *доброта* (2), *добрый* (47), *зло* (8), *злоба* (25), *злость* (20), *злой* (27) и *злойный* (17). Для сравнительно-сопоставительного анализа были отобраны 12 переводных текстов: по 3 перевода каждой повести на немецкий¹ и английский² языки.

Методы исследования определяются совокупностью поставленных задач: метод лингвистического описания (систематизация подходов к пониманию критериев адекватности и эквивалентности в теории перевода), метод сплошной выборки (отбор русскоязычного материала), сравнительно-сопоставительный метод (отбор переводных вариантов русскоязычных лексем), лексикографический анализ (работа со словарными данными), дистрибутивный анализ (изучение окружения лексем и контекста), компонентный анализ (разложение лексических значений исследуемых слов на семантические компоненты), описательный метод (фиксация наблюдаемых сходств и отличий), метод контекстуального анализа (классификация и интерпретация лексического материала).

Теоретическую базу работы составляют труды отечественных и зарубежных исследователей в области 1) общей теории перевода (Л.С. Бархударов, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, И. Левый, Ж. Мунэн, Л.Л. Нелюбин, Э. Пим, А. Попович, Я.И. Рецкер, С.В. Тюленев, А.В. Фёдоров, А.Д. Швейцер, Р. Якобсон); 2) эквивалентности и адекватности перевода (Э. Вендленд, Л. Венути, Э.-А. Гутт, Г. Егер, Д. Карсон, Ю. Найда, А. Нойберт, К. Норд, К. Райс, Ч. Тэйбер,

¹ Авторы немецких переводов – Э.К. Разин, А. Элиасберг, С. Гайер, Г. Рёль.

² Авторы английских переводов – К. Гарнетт, Б. Яким, Х.С. Эдвардс, Ч.Дж. Хогарт.

Х. Фермеер); 3) проблематики художественного перевода (Н. Галь, Н.К. Гарбовский, К.И. Чуковский).

Научная новизна исследования заключается, во-первых, в выборе материала, а, во-вторых, в том, что в работе впервые комплексно исследуются способы перевода с русского на немецкий и английский языки лексических единиц *добро* и *зло* и некоторых однокоренных слов в их ближайшем лексико-синтаксическом окружении в аспекте адекватности и эквивалентности перевода.

Теоретическая значимость диссертации состоит в расширении представлений о роли оценочных критериев переводческой адекватности и эквивалентности и их соотношении.

Гипотеза исследования: понятийный охват группы некоторых абстрактных, в том числе, аксиологических понятий, вербализующийся в одном языке в одном и том же корне (-*добр*- и -*зл*- в русском), может не совпадать с охватом понятий соответствующей лексики в других языках, из-за чего в переводе неизбежно возникают смысловые потери, количество и качество которых влияет на эквивалентность и адекватность перевода.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Зафиксированные в двуязычных словарях и в конкретных переводах английские и немецкие соответствия русским лексемам *добро* и *зло* и некоторым их производным чаще всего не позволяют переводчикам сделать выбор, одновременно сохраняющий полную эквивалентность и адекватность перевода.

2. Полисемия исследуемых русских лексем заставляет переводчиков при выборе переводного соответствия жертвовать эквивалентностью в пользу адекватности и наоборот.

3. Русская лексема *зло* и некоторые однокоренные лексемы представляют собой большую проблему для перевода на английский и немецкий языки, чем лексема *добро* и её производные в силу большего количества её значений и подзначений.

4. Для творчества Ф.М. Достоевского, которое многие его исследователи называют «метафизичным», особую роль в смыслах высказываний играет не только внутренняя семантика языковых элементов, но и их внешняя форма. Связь семантики слова и его внешней формы лежит в основе религиозно-философской антропологии Достоевского, и особенно наглядно это проявляется на примерах аксиологемы *добро*, антиаксиологемы *зло* и некоторых однокоренных слов.

5. При переводе на немецкий и английский языки, причём к английскому языку это относится в значительно большей мере, можно достичь эквивалентности перевода на уровне словесных знаков, при этом зачастую невозможно достичь адекватности; адекватность же может быть достигнута переводчиком путём снижения степени эквивалентности.

Апробация работы. Полученные в работе промежуточные и финальные результаты обсуждались на заседаниях кафедры европейских языков Института лингвистики РГГУ, а также были освещены в докладах, сделанных на следующих конференциях: XXVI международная конференция «Россия и Запад: диалог культур» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 22-23.03.24); научно-практическая

конференция с международным участием «Преподавание языков и гуманитарное знание» (ФГБОУ РГГУ, 22.12.23); межвузовская научно-практическая конференция «Перевод – мост между мирами» (ФГБОУ РГГУ, 18-19.04.24); III Всероссийская заочная научно-практическая конференция «Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции» (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», 30.11.2024).

По теме диссертации опубликовано 5 статей, в том числе, 4 в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при составлении и редакции двуязычных словарей и других типов лексикографических описаний отдельных единиц русского, немецкого и английского языков, а также на практических занятиях по немецкому и английскому языку, теории и практике художественного перевода.

Структура работы: работа состоит из введения, 4 глав, заключения, списка источников, списка литературы, списка словарей и справочных материалов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и новизна диссертационного исследования, его теоретическая и практическая значимость; описываются материал, методы и теоретическая основа; определяются объект, предмет, цель и задачи; формулируется гипотеза исследования; представляются положения, выносимые на защиту, апробация результатов и структура работы.

В главе 1 «Эквивалентность и адекватность как критерии оценки качества перевода» в фокусе находится проблема качественной оценки перевода.

В разделе **1.1 «Основные этапы развития теории перевода»** проводится обзор различных подходов к вопросу о том, что такое перевод, начиная от «теории непереводаемости» В. фон Гумбольдта, определения перевода, данного Э. Сепиром (искусство, «доступное передаче без ущерба средствами чужого языка» [Сепир, 1993, с. 196]³), утверждения А.Н. Реформатского о том, что практический перевод не может иметь собственной науки [Реформатский, 1952, с. 12], и до нашего времени.

Вторая часть раздела является обзором периода становления теории перевода как лингвистической дисциплины, начало которого датируется серединой XX века, а также современного её состояния. Для осуществления обзора привлекались труды отечественных и зарубежных теоретиков перевода второй половины XX – начала XXI века ([Бархударов, 1975; Гарбовский, 2007; Комиссаров, 1980, 1990; Латышев, 1986; Рецкер, 1974; Тюленев, 2004; Швейцер, 1973, 1988; Якобсон, 1978; Mounin, 1963; Nida, 1964; Nida, Taber, 1969; Catford, 1965; Meshonnic, 1973; Juger,

---

³ Именно активное обсуждение теории Сепира послужило толчком как для отказа от «идеи непереводаемости», так и для развития переводоведения как науки [Рейнгольд, 2021, с. 152].

1975; Wills, 1977; Kade, 1980; Newmark, 1981; Neubert, 1985; де Ваард, Найда, 1998; Nord, 1997; Рум, 1998; Wendland, 2004, 2008] и др.).

В разделе **1.2 «Развитие терминологии в теории перевода»** рассматриваются термины, касающиеся как возможных стратегий перевода (например, приручающий и отчуждающий переводы Ф. Шлейермахера, доместикация и форенизация Л. Венути и др.), так и оценки качества результата, проводимой на основании различных критериев: эквивалентности, адекватности, нормы перевода, оптимальности, точности, равноценности и др. Подчёркивается тот факт, что единого взгляда на эти критерии, их соотношение и взаимоотношение не существует до сих пор.

В разделе **1.3 «Эквивалентность и адекватность как ключевые понятия оценки качества перевода»** представлен обзор существующих взглядов на понятия «эквивалентный перевод» [Jakobson, 1959; Бархударов, 1975; Виноградов, 2001; Егер, 1978; Koller, 2011; Швейцер, 1988; Catford, 1965; Комиссаров, 1980] и «адекватный перевод» [Фёдоров, 1953, 1983; Якобсон, 1975; Швейцер, 1973, 1988; Бархударов, 1975; Kade, 1980; Reiß K., Vermeer, 1984; Комиссаров, 1980, 1990, 2002; Ванников, 1988; Нелюбин, 2003; Алексеева, 2004]. Так же в данном разделе проводится сопоставление этих понятий с целью уточнения того факта, что оба они должны считаться разноуровневыми оценочными критериями разного порядка. В основе обоих терминов лежит принцип наличия определенного соответствия между исходным текстом и текстом перевода (далее, соответственно, ИТ и ПТ), при этом эквивалентность перевода чаще всего понимается как максимальная передача смыслового содержания оригинала; адекватность же касается сохранения не только плана содержания ИТ, но и его формы и стиля, прагматической функции текста и коммуникативной интенции его автора.

В данном разделе фиксируются определения эквивалентности и адекватности, на основе которых построена практическая часть исследования. Для оценки эквивалентности базовой в диссертации является теория В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 1990], в рамках которой исследуется эквивалентность рассматриваемых переводов на уровне лексико-семантического соответствия. Важными параметрами здесь являются 1) максимально возможная высокая степень параллелизма в структурной организации ИТ и ПТ; 2) максимально возможная соотнесённость лексики ИТ и ПТ; 3) сохранение в ПТ всех основных частей содержания ИТ, включая общность смысловых компонентов отдельных слов.

Для оценки на основании критерия адекватности привлекается одна из максимально разработанных отечественных теорий адекватного перевода, представленная в работе Ю.В. Ванникова [Ванников, 1988]. В ней адекватность понимается не только как семантико-стилистическое, но и как функционально-прагматическое тождество языковых единиц в ИТ и ПТ, то есть, важным критерием тождественности двух текстов является степень соотношения ПТ с коммуникативной установкой автора ИТ.

В разделе **1.4 «Критерии эквивалентности и адекватности при переводе художественного текста»** рассматриваются основные сложности оценки качества перевода художественного текста: необходимость, с одной стороны, следовать до

определённой степени «букве оригинала», а с другой, – передать художественное своеобразие текста, созданного на одном языке, средствами другого языка, при том что структурные расхождения исходного и переводящего языков (далее, соответственно, ИЯ и ПЯ) чаще всего прослеживаются на всех языковых уровнях. Для адекватного художественного перевода допустимо, а иногда и необходимо отступление от формы оригинала ради сохранения авторских выразительных и стилистических особенностей текста.

В данном разделе фиксируется исследуемая в диссертации единица перевода (ЕП), за которую принимается полноценный в смысловом аспекте отрезок исходного текста, содержащий одну из рассматриваемых в работе лексем и её ближайшее контекстное окружение, устанавливаемое на основе семантико-синтаксических связей.

В **Выводах по главе 1** подчёркивается, что художественный перевод является одним из сложнейших видов перевода: с одной стороны, переводчик должен максимально сохранить форму оригинала на всех уровнях, с другой, – передать авторский замысел при помощи знаков другого языка, не только внешняя форма которых, но и внутреннее наполнение этой формы отличаются от таковых в языке оригинала. Исходный текст и его перевод не могут быть полностью тождественными друг другу ввиду расхождения языковых структур как на грамматическом, так и на лексико-семантическом уровнях, однако переводчик должен стремиться к максимально возможному тождеству. При этом базовые для сознания носителей разных языков, а потому трудноопределяемые абстрактные понятия, в том числе, аксиологемы и антиаксиологемы, являются одними из самых сложных элементов на пути создания тождественных художественных текстов на разных языках.

Глава 2 «Добро и зло в творчестве Ф.М. Достоевского и их отражение в его переводах» посвящена понятиям «добро» и «зло» в языковой картине мира в целом и в творчестве Ф.М. Достоевского в частности.

В разделе **2.1 «Философское и этическое понимание добра и зла»** кратко рассматриваются некоторые философские и этические попытки дать определения данным понятиям, вопросы их относительности и изменчивости в мировой истории и культуре.

Раздел **2.2 «Роль понятий “добро” и “зло” в творчестве Ф.М. Достоевского»** представляет собой обзор работ, посвящённых творчеству Достоевского, в котором и добро, и зло составляют основу сюжетов. Отдельно подчёркивается крайне важный для диссертационного исследования момент: творчество Достоевского, с одной стороны, связано с самыми разными социальными аспектами жизни человека, а с другой, оно «вертикально структурировано и метафизично и именно метафизика определяет все стороны земной жизни человека» [Ковалевская, 2024, с. 35]⁴. Филологи и литературоведы

⁴ Под метафизикой понимается предположение, что наблюдаемая человеком реальность не является единственной и за ней находится мир иного бытия и вечных сущностей [Введенский, 1990, с. 384].

неоднократно отмечали многосоставность художественных образов Достоевского: «способность героя и самого проходного персонажа или самой злободневной романной ситуации заключать в себе евангельского персонажа или евангельскую сцену» [Касаткина, 2021, с. 175].

Опираясь на эти замечания, можно прийти к выводу, что русские лексемы *добро* и *зло*, потенциально объединяющие в себе и метафизическое, и социальное, могут представлять для переводчиков особую сложность (как и их дериваты). Сталкиваясь с необходимостью передать на другом языке ЕП, содержащую одну из исследуемых лексем, переводчик вынужден подбирать в ПЯ соответствия многоплановым структурам не только на фразовом, но и на лексическом уровне, учитывая несовпадения в семантической наполненности отдельных языковых единиц ИЯ и ПЯ. Русский язык позволяет выразить в полисемантических лексемах с корнями *-добр-* и *-зл-* одновременно и социальное, и метафизическое, поэтому читатель волен сам решать, какой именно аспект актуализуется в его сознании при чтении русского текста, и всегда ли этот аспект один, либо в словоупотреблении Достоевского происходит типичное для данного автора смешение значений, которое иногда называют «полифонией» [Ковалевская Т.В. 2025, с. 63] или даже «мимикрией» [там же, с. 8]. Для того, чтобы переводные соответствия были не только эквивалентными, но и адекватными, в ПЯ должны существовать лексемы, так же способные объединять в себе все потенциально возможные в ИЯ смыслы, отмеченные в различных лексикографических справочниках.

В разделе **2.3 «Добро и зло как единицы словаря»** рассматриваются значения лексем *добро*, *доброта*, *добрый*, *зло*, *злота*, *злость*, *злой* и *злостный*, зафиксированные в русскоязычных толковых словарях конца XIX – конца XX века. Отмечается тот факт, что толковые словари эпохи Достоевского (например, [СЦСРЯ, 1847] и [Даль, 1880]) не могут служить полноценным справочным материалом для данного диссертационного исследования: в них отсутствуют некоторые из указанных лексем, а у наличествующих приводятся не все значения, встречающиеся в текстах писателя. Так, например, в [СЦСРЯ, 1847] отсутствует словарная статья *злой*, а также значение лексемы *зло* = *злость*, досада. Последнего значения нет и в [Даль, 1880], при этом оно отмечено в более современных словарях, например, в словаре С.Н. Ожегова, впервые вышедшем в середине XX века [Словарь Ожегова онлайн] и в словаре конца XX века [Евгеньева, 1985]. По этой причине для семантического анализа необходимо последовательное обращение к данным различных толковых словарей, лингвистических корпусов и словарей идиолекта Ф.М. Достоевского (лексикографическая база которых на данный момент является неполной, например, [СЯД 2001, 2003, 2010]).

В результате анализа словарных данных в целях более наглядной репрезентации (и впоследствии качественной оценки) переводческих решений у исследуемых лексем в диссертации выделяются следующие группы значений: метафизическое *добро* и *зло* (лексемы, применимые к метафизическим понятиям: «силы добра / зла», «*добрый* ангел», «*злой* дух»), социальное *добро* («творить *добро*», «*добрый* человек», «*доброта* характера»), социальное *зло*, которое подразделяется на два подзначения: сущностная характеристика («*зло* в

характере», «*злой человек*») и эмоциональная характеристика («кого-л. *зло* взяло», «он сегодня *злой*»). У лексем с корнем *-добр-* также существует третье понимание: «вещественное (или «имущественное») *добро*» («накопить много *добра*», «*доброта* сукна», «*добрый конь*»).

Раздел 2.4 «Обзор истории переводов прозы Ф.М. Достоевского на английский и немецкий языки» посвящён изучению творческого наследия Достоевского в переводах, которое давно привлекает внимание исследователей [Reinholdt, 1886; Берков, Бушмин, Жирмунский, 1966; Дудкин, Азадовский, 1973; Реизов, 1978; Cadot, 2001; Криницын, 2007] и мн. др. Для каждого его крупного произведения существует не менее шести переводов как на английский, так и на немецкий языки. Одним из самых «громких» имён среди английских переводчиков является имя К. Гарнетт, известны так же переводы Е. Мартин, Р. Певира и Л. Волохонской, Ч. Дж. Хогарта, Д. МакДаффа, Д. Мэгаршэка и мн. др. Среди немецких переводчиков необходимо упомянуть в первую очередь имена Э. Кэррик (известной под псевдонимом Е.К. Разин), Г. Рёля, С. Гайер (занимавшейся не только переводами, но и отдельными исследованиями творчества Достоевского). Для данной работы, лексикографической базой которой по названным выше причинам являются словари конца XIX – начала XXI веков, были отобраны переводы, максимально широко распределённые по указанному временному периоду.

В **Выводах по главе 2** ещё раз отмечается тот факт, что русскоязычные лексемы *добро* и *зло*, как и большинство их производных, охватывают широкую сферу понятий, будучи направлены как от высших сил (для Достоевского – от Бога и дьявола) к человеку, так и от одного человека к другому (другим). Прежде чем перевести подобные лексемы и содержащие их фрагменты текстов на какой-либо другой язык, переводчику необходимо разобраться с тем, какой смысл закладывался автором исходного текста в то или иное словоупотребление. Иногда это очевидно, иногда переводчик сам ответственен за своё понимание авторского замысла. Сохранение внешней формы ИТ в переводе и последовательное обращение к словарной информации повышает эквивалентность перевода. Правильность понимания и максимально объёмная в смысловом аспекте передача контекстно актуализованных значений отдельных лексем определяет его адекватность. При этом для произведений Достоевского определение объема актуализованных в (анти)аксиологемах смыслов через их разграничение – зачастую бессмысленная задача: за всеми его художественными образами стоит метафизическое.

Глава 3 «Добро и зло в немецких переводах прозы Ф.М. Достоевского» представляет собой анализ перевода на немецкий язык текстовых фрагментов, содержащих лексемы *добро*, *доброта*, *добрый*, *зло*, *злоба*, *злость*, *злой* и *злойный*, и оценку переводческих решений с точки зрения их адекватности и эквивалентности.

Раздел 3.1 «Лексические единицы с корнем *-добр-*» посвящён лексемам *добро*, *доброта* и *добрый*.

В подразделе **3.1.1.** рассматриваются их немецкие соответствия, зафиксированные в нескольких переводных словарях [БНРС; Лейн, 2005; РНС]. Для однокоренных русских лексем наиболее частотными переводными соответствиями оказываются однокоренные и в немецком языке лексемы с корнем *-gut-*: *добро* – *Gut, Gutes, das Gute*, *доброта* – *die Güte*, *добрый* – *gut*.

В подразделе **3.1.2** в одноязычных толковых словарях немецкого языка [Duden, 1989; Duden, 2020; DWDS] рассматриваются значения тех немецких лексем, которые встретились непосредственно в переводах как соответствия русским словам *добро*, *доброта* и *добрый*.

Работа с как с переводными, так и с толковыми словарями позволяет сделать вывод, что в немецком языке лексемы с корнем *-gut-* способны покрывать все значения, выделенные в главе 2 для русского языка: метафизическое, социальное и вещественное *добро*.

В подразделе **3.1.3** даётся оценка эквивалентности и адекватности ЕП, содержащих лексемы *добро*, *доброта* и *добрый*, на немецкий язык. Подчёркивается, что под эквивалентным переводом в диссертации понимается структурно (насколько это позволяют средства ПЯ) и семантически тождественный оригиналу переводной текст, а под адекватным – переводной текст, в котором сохранена коммуникативная интенция автора. Поскольку русский корень *-добр-* содержится в лексемах, которые могут относиться и к метафизическим объектам, и к социальной характеристике, и к имуществу, а также, учитывая отмеченную выше многосоставность образов Ф.М. Достоевского, адекватным переводом в диссертации признаётся такой, в котором структурное соответствие лексеме с корнем *-добр-* так же потенциально может включать в себя любой из трёх выделенных смыслов. Для немецкого языка таковыми являются лексические единицы с корнем *-gut-*. Таким образом, эквивалентными и адекватными можно признать переводы следующих примеров:

(1) *Ишь собачье мясо: добро ему [орлу] творишь, а он всё кусается!* [т. 4, с. 194] – *Dieses verdammte Vieh: man tut ihm Gutes, er aber beißt!* [E1⁵]

(2) *Разгорелись глаза на чужое добро.* [т. 4, с. 200] – *Wie dir die Augen nach fremdem Gut brennen!* [E1]

(3) *Замечалась только в ней [в Настасье Ивановне], на каждом шагу, одна бесконечная доброта...* [т. 4, с. 68] – *Man sah in ihr nur eine unendliche Güte...* [Ra1⁶, с. 90]

(4) *Почти всегда поставщик первоначально испробывает доброту водки и отпнутое бесчеловечно добавляет водой.* [т. 4, с. 36] – *Fast immer probiert der*

⁵ Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus einem toten Hause // Übersetzt von A. Eliasberg. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.projekt-gutenberg.org/dostojew/totenhau/titlepage.html> (Дата обращения: 15.06.2025)

⁶ Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus // Übersetzt von E.K. Rahsin. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/aufzeichnungenau0000dost/page/162/mode/2up?q=frei> (Дата обращения: 15.06.2025).

Lieferant zuerst die Güte des Branntweins und ersetzt das Weggetrunkene in unmenschlicher Weise durch Wasser. [Rö1⁷, с. 63]

(5) *Добрый и наивный Нурра!* [т. 4, с. 51] – *Der gute, naive Nurra!* [E1]

Эквивалентными, но неадекватными ввиду выбора переводчиками лексем с другими корнями, семантический охват которых не включает в себя, например, метафизический компонент, признаются следующие переводы:

(6) *А будь ты в другом месте, живи, как добрые люди живут, так я <...> просто влюбился б в тебя...* [т. 5, с. 159] – *Wärest du aber an einem andern Orte und lebstest du so, wie ordentliche Leute leben, dann würde ich <...> mich vielleicht einfach in dich verlieben...* [Rö2⁸]

Адекватность при этом возможно было сохранить, ср. перевод той же ЕП С. Гайер: *Wärest du aber an einem anderen Ort, lebstest du, wie gute Menschen leben, so würde ich <...> mich einfach in dich verlieben...* [Ge⁹, с. 110]

Следующий пример демонстрирует разные варианты соотношения адекватности и эквивалентности для двух вхождений слова *добро* в предложение:

(7) «*Эх, дескать! – думал он, может быть, запуская руку в мое добро, – что ж это за человек, который и за добро-то свое постоять не может!*» [т. 4, с. 86] – „*Ach*“, *dachte er vielleicht, während er die Hand nach meinem Eigentum ausstreckte, „was ist das für ein Mensch, der nicht einmal sein Hab und Gut zu schützen versteht!*“ [Rö1, с. 153]

В примере (7) для перевода первого вхождения лексемы *добро* Рёль выбирает эквивалентное, но неадекватное соответствие *das Eigentum*, «имущество». Это существительное не имеет метафизических коннотаций. Для второго вхождения переводчик использует словосочетание *Hab und Gut*, которое за счёт лексемы с корнем *-gut-* позволяет охватить все три потенциально возможных для русского корня *-добр-* понимания, но такой перевод (существительное -> словосочетание), хотя и более адекватен, нельзя считать эквивалентным. Неэквивалентность в примере (7) не является вынужденной: так, например, в предложении (2) выше наблюдается возможность перевода лексемы *добро* в значении «имущество» эквивалентным способом (*добро->Gut*). На основании подобных примеров в диссертации делается вывод о том, что немецкий язык позволяет переводить лексемы *добро*, *доброта* и *добрый* как эквивалентным, так и адекватным образом, и какие-либо отклонения от принципов эквивалентности и адекватности являются, как правило, следствием желания переводчика.

Раздел 3.2 «Лексические единицы с корнем *-зл-*» посвящён лексемам *зло*, *злоба*, *злость*, *злой* и *злойный*. Структура аналогична таковой в разделе 3.1: первым

⁷ Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus / Dostojewski // Sämtliche Romane und Erzählungen. – 5. Aufl. – Bd. 6. – Aus dem Russ. von Hermann Röhl. – Frankfurt am Main: Insel, 2003. – 414 S.

⁸ Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch // Übersetzt von H. Röhl. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.textlog.de/dostojewski/roman/aufzeichnungen-kellerloch/i-i> (Дата обращения: 15.06.2025).

⁹ Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch / Fjodor Dostojewskij // Übers. von Swetlana Geier; Nachw. von Hans Walter Poll. – Stuttgart: Reclam, 2003. – 164 S.

шагом (подраздел 3.2.1) рассматриваются их немецкие соответствия в переводных словарях, а вторым (подраздел 3.2.2) – толкования тех немецких лексем, которые встретились в исследуемых переводах как соответствия единицам *зло*, *злоба*, *злость*, *злой* и *злбный*. В результате анализа словарных данных можно прийти к выводу о том, что в немецком языке существуют полисеманты с корнем *-bo/ös-*, также способные к актуализации всех смысловых компонентов, выделенных в главе 2 данной работы для русских лексем с корнем *-зл-*: метафизическое, социальное сущностное и социальное эмоциональное зло. Другие немецкие лексемы, соотносимые в словарях с русскими словами с корнем *-зл-*, тяготеют к выражению одного или двух, но не трёх смыслов: социального (*Hass, gehässig, giftig, schlecht*) и /или эмоционального (*Wut, wütend, Zorn, zornig, Ärger, ärgerlich*).

В подразделе 3.2.3 «Лексемы с корнем *-зл-* в переводах» даётся оценка эквивалентности и адекватности переводов ЕП, содержащих лексемы *зло*, *злоба*, *злость*, *злой* и *злбный*, на немецкий язык. Эквивалентными и адекватными в рамках данной диссертации признаются, например, следующие переводы:

(8) ...*может быть, лет десять, восемь назад, эта же самая, с соленой-то рыбой, – приехала сюда откуда-нибудь свеженькая, как херувимчик, невинная, чистенькая; **зла** не знала, на каждом слове краснела.* [т. 5, с. 161] – ... *vielleicht ist auch diese selbe mit dem gesalzenen Fisch vor zehn, vor acht Jahren rein und unschuldig wie ein Engelchen hierher gekommen; **wußte von nichts Bösem**, errötete womöglich bei jedem Wort.* [Ra2¹⁰, с. 117]

(9) ... *не позволяй представления, так, пожалуй (кто их знает? народ каторжный!), нарочно **что-нибудь напакостят со зла** и караульных подведут.* [т. 4, с. 119] – ... *Erlaube ich die Vorstellung nicht, so werden sie vielleicht (denn wer kennt diese Sträflingsbande?) absichtlich aus **Bosheit etwas anrichten** und das Einschreiten der Wache nötig machen.* [Rö1, с. 213]

(10) ... *надо же было обиду на ком-нибудь выместить, свое взять, ты подвернулась, **я над тобой и вылил зло** и насмеялся.* [т. 5, с. 173] – *Da mußte ich meinen Ingrim über die erlittene Kränkung an irgendjemandem auslassen, jemandem meine Überlegenheit zu fühlen geben; du kamst mir in den Wurf, und da **goß ich denn meine Bosheit über dich** aus und machte mich über dich lustig.* [Rö2]

(11) ... *на сцене **появляются злые духи** и уносят Кедрила в ад.* [т. 4, с. 119] – ... *dass auf der Szene **böse Geister erschienen** und den Vielfrass Kedrill in die Hölle schleppen.* [Ra1, с. 156]

(12) *Сам по себе он (майор) только был беспорядочный и **злой человек**, больше ничего.* [т. 4, с. 28] – *An sich war er nur ein unordentlicher und **böser Mensch**, und weiter nichts.* [Ra1, с. 40]

Неэквивалентными признаются те переводы, в которых существенно нарушено или полностью отсутствует структурное тождество («злоба» -> «böses Gefühl» («злое чувство»)):

¹⁰ Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus dem Untergrund // Übersetzt von E.K. Rashin. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/aufzeichnungenau0000dost_y8k6/page/4/mode/2up (дата обращения: 15.06.2025).

(13) *Это отчуждение делается иногда совсем без злобы со стороны арестантов, а так, бессознательно. [т. 4, с. 198] – Diese Ausscheidung als Fremder geschieht von seiten der Sträflinge zuweilen ohne jedes böse Gefühl, völlig unbewußt. [Ra1, с. 261]*

Неадекватными признаются переводы, в которых авторы выбирают для соответствия русской лексеме с корнем -зл- немецкие лексемы, не имеющие корня -bo/ös-, поскольку таковые не могут потенциально включать в себя метафизический компонент, а связаны исключительно с социальным пониманием зла (данные выводы делаются на основании изучения словарных толкований в подразделе 3.2.2 данной главы):

(14) *К тому же не позволяй представления, так, пожалуй (кто их знает? народ каторжный!), нарочно что-нибудь напакостят со зла и караульных подведут. [т. 4, с. 119] – Außerdem: wenn ich die Aufführung nicht erlaube, so werden sie vielleicht aus Ärger absichtlich etwas anstellen (sie sind doch nur Zuchthäusler!), damit die Wache eine Rüge bekommt. [E1]*

Раздел 3.3 «Композитные лексемы с корнем -зл-» представляет собой попытку рассмотрения вопроса о том, возможна ли эквивалентная и адекватная передача при переводе композитных лексем с исследуемыми корнями, на примере русских слов злодей, злодеяние и злодейство, которые связаны сразу с двумя понятиями: делать + зло. В немецких переводах мы находим лексемы, состоящие из одного корня (*der Verbrecher* и *das Verbrechen*), которые, согласно словарям, означают в первую очередь «преступник»:

(15) *Это был злодей, каких мало, резавший хладнокровно стариков и детей. [т. 4, с. 47] – Es war ein Verbrecher, wie es deren nicht viele gibt, einer, der kaltblütig Greise und Kinder mordete. [Ra1, с. 64]*

В немецком языке существуют композитные лексемы, близкие по значению к русским злодей, злодеяние и злодейство, но они включают в себя один компонент: или понятие «зло», или понятие «деяние», например, *der Bösewicht* («злодей») или *die Übeltat* («злодеяние»):

(16) *Я несколько лет прожил среди убийц, развратников и отъявленных злодеев. [т. 4, с. 63] – Ich habe mehrere Jahre lang unter Mördern, Wüstlingen und Bösewichten schlimmster Art gelebt. [Rö1, с. 111-112]*

(17) *Я видел в Тобольске знаменитого своими злодеяниями разбойника Каменева. [т. 4, с. 40] – Ich habe in Tobolsk den durch seine Übeltaten berühmten Räuber Kamenew gesehen. [Rö2, с. 71]*

В лексеме *Bösewicht* первая её часть, *Böse-*, является в рамках исследования адекватным и эквивалентным соответствием части русской лексемы зло, но вторая часть, *-wicht*, этимологически связана не с деянием, а с понятием «маленькое злобное существо» [DWDS], таким образом, весь композит не является семантически эквивалентным и прагматически адекватным (*злодей* – «злобное маленькое существо»). В отношении таких слов как *die Übeltat*, *der Übeltäter* ситуация противоположная: вторая часть композита, *-täter*, происходящая от глагола *tun* – «делать», соответствует русскому -дей в слове «злодей», при этом первая часть, *Übel-*, хотя и фиксируется многими переводными словарями как

переводное соответствие русскому *зло*, в рассматриваемых нами переводах ближе к понятию «нечто отвратительное, мерзкое», а не «нечто злое» (злодей – «делающий мерзкое»):

(18) ... *da sieht man Bildung mit einer Barbarei vereint, mit einem Zynismus, daß einem übel wird...* [Ra1, с. 260] – ... *образование уживается иногда с таким варварством, с таким цинизмом, что вам мерзит...* [т. 4, с. 198]

(19) *Es stellte sich Reue ein; aber ich jagte sie davon: Es war mir sowieso schon gar zu übel.* [Rö2] – *Наступало раскаяние, я его гнал: слишком уж тошнило.* [т. 5, с. 132].

Таким образом, как в отобранных переводах, как и в рабочих словарях мы не нашли лексем, структурно, семантически или прагматически соответствующей русским *злодей*, *злодеяние* и *злодейство*.

В **Выводах** по главе 3 ещё раз подчеркивается, что отклонения в эквивалентности перевода русских лексем с корнем *-добр-* в немецком языке в основном являются следствием либо сознательного выбора переводчика, либо, возможно, не всегда тщательной работой переводчика с семантикой и прагматикой ИТ. Единственным значением существительного *добро*, где в переводах наблюдается максимальное количество неэквивалентных соответствий, является вещественное, хотя и здесь немецкий язык позволяет использовать соответствия с корнем *-gut-*.

Выбор переводного варианта для лексем с корнем *-зл-* представляет собой большую проблему. Немецкие словари предоставляют информацию о том, что все выделенные нами у данного корня значения покрываются лексемами с корнем *-bo/ös-*, однако последние тяготеют к выражению смыслов «метафизическое зло» и «постоянное социальное зло». Для «временного социального зла» существует широкий набор других лексических соответствий (корни *-wu/üt-*, *-ärger-*, *-zorn-*, *-grimm-* и др.). Оценка адекватности перевода зависит в первую очередь от того, насколько читатель и переводчик едины в понимании того, какое значение имелось в виду в исходном тексте. Во вторую очередь, проблемы возникают ввиду отмеченной метафизичности творчества и многосоставности образов Достоевского: делать выбор между лексемами далеко не всегда обязательно, переводчику нужно понимать, где необходимо различение, а где, наоборот, – слияние смыслов в одной форме. Немецкий язык, благодаря наличию имеющих как метафизические, так и социальные смыслы корней *-gut-* и *-bo/ös-*, позволяет осуществить перевод соответствующих русских лексем практически без семантических и прагматических потерь, что даёт возможность в большинстве случаев добиться как эквивалентного, так и адекватного перевода, сохранив в переводе, как и в русском языке, единство формы, и тем самым предоставив читателю самому решать, что именно он видит за этой формой.

Глава 4 «Добро и зло в английских переводах прозы Ф.М. Достоевского» аналогична по структуре главе 3 и представляет собой анализ перевода на английский язык текстовых фрагментов, содержащих лексемы *добро*, *доброта*,

добрый, зло, злоба, злость, злой и злобный, и оценку переводческих решений с точки зрения их адекватности и эквивалентности.

Раздел 4.1 «Лексические единицы с корнем *-добр-*» посвящён лексемам *добро, доброта* и *добрый*. В подразделе 4.1.1 рассматриваются основные словарные соответствия указанным русским лексемам в нескольких переводных русско-английских словарях [Апресян, 1979; Мюллер, 2009; НБАРС]. На основе словарных данных делаются следующие выводы. В английском языке есть лексемы с корнем *-good-*, способные к охвату всех трёх смысловых составляющих русского понятия «добро»: *добро* метафизическое, социальное и вещественное. Но, если в немецком языке лексемы с корнем *-gut-* были основными соответствиями русским единицам с корнем *-добр-* как в словарях, так и в рассмотренных переводах, то в английском языке можно наблюдать тот факт, что метафизическое «добро» отделено от социального и материального: лексемы с корнем *-good-* (*good, Good, goodness*) в большей степени тяготеют к соответствию метафизическому добру. Для социального добра в словарях встречаются лексемы с корнем *-kind-* (*kind, kindly, kindness*), а для вещественного – лексические единицы, соответствующие русскому понятию «имущество»: *property, stuff, belongings* и др. Для понятия «доброта» в значении «качество объекта», «добротность» предлагается существительное *quality* – «качество».

В подразделе 4.1.2 рассматриваются значения лексем, встретившихся в исследуемых английских переводах как соответствия русским лексемам *добро, доброта* и *добрый* на основании данных толковых английских словарей [Cambridge Dictionary; Collins Dictionary; OD; McMillan; MW¹¹; OED]. Работа с толковыми словарями так же показала, что в английском языке лексемы с корнем *-good-* потенциально способны покрывать все значения, выделенные в главе 2 для русского языка, но в вещественном значении употребляется лишь отсутствующее в отобранных переводах существительное *goods* (в форме мн. ч.; согласно словарным данным, *goods* соответствует русскому понятию «товары»). Лексемы с корнем *-kind-* относятся, в первую очередь, к социальной сфере: *добро* как результат отношений и поступков и *доброта* как характеристика доброго человека. Для перевода прилагательного *добрый* в английском языке необходимо особенно тщательно учитывать контекстную актуализацию сем. Так, *добрый* в сочетании «добрый и отзывчивый человек» скорее соответствует прилагательным *good* и *kind*, в значении «порядочный человек» – *decent* («порядочный», «приличный») или *honest* («честный»), в значении «высококачественный объект» – *worthy* («стоящий»).

В подразделе 4.1.3 даётся оценка эквивалентности и адекватности ЕП, содержащих лексемы *добро, доброта* и *добрый*, на английский язык. Так же, как и для немецких переводов в главе 3, под эквивалентным переводом в диссертации понимается структурно (насколько это позволяют средства ПЯ) и семантически тождественный оригинальному переводной текст, а под адекватным – перевод, в

¹¹ Данные словаря американского английского языка привлекаются на основании того факта, что один из переводчиков (Б. Яким) является не англичанином, а американцем.

котором сохранена коммуникативная интенция автора. Поскольку в английском языке лексемы с корнем *-good-* не являются единственным вариантом выбора для переводчика, в ПТ разных авторов наблюдаются различные уровни как эквивалентности, так и адекватности. Поэтому для английских текстов чаще всего необходимо приводить несколько (два или все три) вариантов перевода одного и того же контекста. Так, например, для «метафизического» *-добр-* все английские переводчики выбирают корень *-good-*:

(1) **Чем больше я сознавал о добре и о всем этом «прекрасном и высоком», тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней.** [Т. 5, с. 102]

• ***The more conscious I was of goodness and of all that was “lofty and beautiful,” the more deeply I sank into my mire and the more ready I was to sink in it altogether.*** [Ga2¹², с. 183]

• ***The more I was conscious of the good, and of all this “beautiful and sublime” stuff, the deeper I sank into my shit, and the more capable I was of becoming totally enmired in it.*** [Ja2¹³, с. 7]

• ***The more I have recognised what is good and what constitutes “the great and the beautiful,” the deeper I have plunged into the mire, and the more I have been ready to smear myself over with the sticky stuff.*** [Ho¹⁴, с. 10]

В примере (1) только Хогарт отклоняется от принципа эквивалентного перевода. Такое отклонение очевидно не является вынужденным и продиктовано только желанием переводчика сформулировать фразу именно так. При этом, за счёт использования наиболее семантически многозначного корня *-good-*, все три перевода являются адекватными.

(2) **Ишь собачье мясо: добро ему [орлу] творишь, а он всё кусается!** [Т. 4, с. 194]

• ***See, the cur, one does something for his good, and he keeps biting one.*** [Ga1¹⁵, с. 254]

• ***Geez, what an animal! You want to do him a kindness, but he keeps biting!*** [Ja1¹⁶, с. 258]

В примере (2) перевод Гарнетт лишь синтаксически не эквивалентен ввиду невозможности употребления в английском безличной конструкции, аналогичной русской в оригинальном тексте, но адекватен за счёт использования полисеманта –

¹² Fyodor Dostoyevsky. Notes from the Underground. / Three short Novels of Dostoyevski // Translated by C. Garnett. – New York, Anchor Books Doubleday and Company Inc., 1960. – 460 p.

¹³ Dostoevsky F. Notes from Underground // Translated by B. Jakim. – Grand Rapids, Cambridge, Wm. B. Eerdmans Publishing, 2009. – 157 p.

¹⁴ Letters from the Underworld by Fyodor Dostoyevsky // Translated by C.J. Hogarth. – London, New York: E.P. Dutton & Co. Inc., 1937. – 323 p.

¹⁵ Fyodor Dostoyevsky. The House of the Dead and Poor Folk // Translated by Constance Garnett. – Barnes and Noble Classics Series, 2004. – 446 p.

¹⁶ Fyodor Dostoyevsky. Notes from the dead House // Translated by B. Jakim. – Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/notesfromhouseof0000dost_w3i4/page/n3/mode/2up?q=heaven (Дата обращения: 15.06.2025).

лексемы *good*. Перевод Якима ещё менее эквивалентен за счёт лексического добавления («добро ему творишь» -> «хочешь сделать ему добро»), и при этом его нельзя признать адекватным, поскольку лексема *kindness*, согласно данным толковых словарей, не имеет метафизических коннотаций.

Неадекватными в рамках данного диссертационного исследования признаются все английские переводы, в которых русские лексемы с корнем *-добр-* имеют вещественное значение (в том числе, значение *доброта* = «качество»), так как все используемые переводчиками соответствия ограничены лишь вещественным пониманием и не содержат ни метафизических, ни социальных коннотаций:

(3) «Эх, дескать! – думал он [Петров], может быть, запуская руку в мое добро, – что ж это за человек, который и за добро-то свое постоять не может!» [Т. 4, с. 86]

- "Ech! " he may have thought as he laid hands on my property, "what a man, he can't even defend his own property!" [Ga1, с. 109]
- It's unbelievable! he may have thought as he was laying his hands on my property. What sort of man is this who can't even protect his own belongings? [Ja1, с. 109]
- "What a strange person! " he must have said to himself, as he lay hands on my property; "he does not even know how to take care of what he possesses." [Ed¹⁷, с. 123]

(4) Почти всегда поставщик первоначально испробывает доброту водки и отпнутое бесчеловечно добавляет водой. (Т. 4, с. 36)

- Almost always **the intermediary tests the quality of the vodka to begin with, and ruthlessly fills up the measure with water...** [Ga1, с. 45]
- **The supplier nearly always tests the quality of the vodka first, and then he inhumanely replaces what he has drunk with water...** [Ja1, с. 44]
- **The person who supplies the vodka, tastes the precious liquid almost always as he is carrying it to the hiding-place, and replaces relentlessly what he has drunk by pure water.** [Ed, с. 48]

Следует отметить, что при отсутствии адекватности переводы могут оставаться эквивалентными, и случаи неэквивалентности являются результатом сознательного выбора переводчика (ср., напр., достаточно эквивалентные переводы Гарнетт и Якима и абсолютно не эквивалентный перевод Эдвардса примера (4): «испробывает доброту водки» -> «пробует драгоценную жидкость»).

Для перевода прилагательного *добрый*, как уже говорилось выше, переводчику необходимо внимательно определять контекстную актуализацию сем, и здесь особенно остро встают вопросы как о том, насколько правильно понимает эту актуализацию переводчик (а за ним и независимый читатель), так и о том, необходимо ли, переводя произведения Ф.М. Достоевского, разграничивать эти семы и выделять какую-либо одну? В отличие от русского и немецкого языков, где многозначность корней *-добр-* и *-gut-* позволяет оставить право найти ответы на эти вопросы читателю, английский язык ставит перед переводчиком задачу

¹⁷ Dostoyevsky Fyodor. The House of the Dead or: Prison Life in Siberia // Translated by H.S. Edwards. – "Public Domain", 2023. – 368 p.

разграничения сем и последующего выбора лексического соответствия в ПЯ, а перед читателем – задачу оценки адекватности сделанного переводчиком выбора. Это наглядно показано в следующих примерах:

(5) *Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым...* [т. 5, с. 100]

- *I did not know how to become anything: neither spiteful nor kind...* [Ga2, с. 181]
- *Not only couldn't I become evil; I couldn't become anything – either evil or good...* [Ja2, с. 5]

В примере (5) Гарнетт выбирает лексему *kind*, не имеющую метафизических коннотаций, таким образом её перевод менее адекватен, чем вариант *good* у Якима¹⁸. При этом оба перевода одинаково эквивалентны.

(6) *А будь ты в другом месте, живи, как добрые люди живут, так я, может быть, не то что влюбился б за тобой, а просто влюбился б в тебя...* [т. 5, с. 159]

- *But if you were anywhere else, living as good people live, I should perhaps be more than attracted by you, should fall in love with you...* [Ga2, с. 268]
- *But if you were in some other place, living as decent people live, I would perhaps not merely be attracted to you but would even fall in love with you...* [Ja2, с. 90-91]
- *But if you had been of a different kind, if you had been leading an honest life, I might have courted and fallen in love with you.* [Ho, с. 113]

В примере (6) вариант Гарнетт «добрые люди» → «good people» является в рамках данного исследования эквивалентным и адекватным, вариант Якима при той же степени эквивалентности, признаётся менее адекватным, поскольку «добрые люди» переведены у него как «decent people» → «приличные люди». Вариант Хогарта абсолютно не эквивалентен как на лексическом, так и на синтаксическом уровне, и адекватным его признать нельзя. При этом следует в очередной раз отметить, что, учитывая возможность адекватного и эквивалентного перевода, представленного у Гарнетт, такое отклонение от обоих принципов тождественности ОТ и ПТ является исключительно следствием сознательного выбора переводчика (в данном случае Хогарта).

Та же проблема семантического разграничения и последующего выбора лексического соответствия стоит перед переводчиком творчества Ф.М. Достоевского на английский язык при переводе лексем *зло*, *злость*, *злоба*, *злой* и *злойный*. Она рассматривается в разделе 4.2 «Лексические единицы с корнем -зл-». Подраздел 4.2.1. посвящён переводным соответствиям русским лексемам *зло*, *злоба*, *злость*, *злой* и *злойный* в английском языке. Среди наиболее частотных в словарях [Апресян, 1979; Мюллер, 2009; НБАРС] приводятся существительные и прилагательные с корнями *-evil-*, *-spite-*, *-wicked-*, *-malic(e)-*. В подразделе 4.2.2 рассматриваются значения лексем, встретившихся в исследуемых переводах как соответствия указанным русским лексемам на основании данных толковых английских словарей [Cambridge Dictionary; Collins Dictionary; OD; McMillan; MW; OED], и их значительно больше: только для существительных это

¹⁸ Возможно, это является следствием того факта, что Б. Яким занимался в первую очередь переводами философской и богословской литературы.

лексемы *anger, bitterness, evil, fury, grievance, grudge, harm, hatred, hostility, ill-feeling, ill-humour, indignation, irritation, malice, rage, rancour, resentment, spite, spleen, wickedness, wrath*.

В результате анализа словарных толкований можно предположить, что в английском языке нет корня, соответствующего русскому *-зл-*, в котором могли бы актуализоваться все три выделенных в главе 2 семантических компонента. Метафизическому *злу* (субстантивно (*зло*) и адъективно (*злой*)) соответствуют, прежде всего, существительное и прилагательное *evil*. Метафизические коннотации есть так же у лексем с корнем *-wicked-* [Ковалевская, 2025, с. 39-40]. Допустимо употребление лексем с двумя этими корнями и в случае указания на социальное сущностное *зло* [там же]. Для передачи представления о социальном эмоциональном *зле* эти лексем практически не встречаются: чаще всего в словарях приводятся единицы, являющиеся синонимами таких слов, как «ярость», «гнев», «раздражение» (*anger / angry(ly), fury / furious, wrath / wrathfully* и нек. др).

В подразделе 4.2.3 «Лексем с корнем *-зл-* в переводах» наблюдается та же картина, что и в случае перевода на английский язык ЕП, содержащих лексем с корнем *-добр-*: если эквивалентность перевода довольно высока у всех трёх переводчиков, и отклонения от неё являются либо следствием структурного расхождения ИЯ и ПЯ, либо результатом сознательного выбора, желая переводчика сформулировать ЕП именно так и не иначе, то адекватный перевод практически невозможен: переводчику всегда необходимо делать выбор, какой из трёх семантических компонентов, охватываемых русским корнем *-зл-*, он может потерять, а какой, наоборот, необходимо актуализовать. Следующие примеры иллюстрируют различные варианты соотношения эквивалентности и адекватности в переводах.

(7) *Гадкое, низкое желанье воздать обидчику тем же злом, может, еще и гаже скребется в ней [в мыши, с которой ассоциирует себя «подпольный человек» – Е. Ч.], чем в l'homme de la nature et de la vérité.* [т. 5, с. 104]

● *The base and nasty desire to vent that spite on its assailant rankles perhaps even more nastily in it than in l'homme de la nature et de la verite.* [Ga2, с. 187]

● *A vile, mean little desire to repay the offender with the same evil that it has received is, perhaps, festering in the mouse even more foully than in l'homme de la nature et de la vérité...* [Ja1, с. 10]

● *Yes, a mean, debased little yearning to repay the offender in his own coin might wax in that mouse's bosom in an even meaner way than it would do in that of l'homme de la nature et de la vérité...* [Ho, с. 14]

В примере (7) вариант Гарнетт неэквивалентен лексически и синтаксически («воздать злом» -> «вылить зло») и неадекватен, поскольку лексема *spite* не имеет метафизических коннотаций. Вариант Якима может быть высоко оценен как по уровню эквивалентности, так и по уровню адекватности, ввиду использования лексем *evil*, основным значением которой является метафизическое зло, но и социальное понимание так же не исключается. Перевод Хогарта лексически неэквивалентен («воздать злом» -> «отплатить монетой») и ввиду вышеназванных причин не является адекватным.

Приведённая далее в примере (8) реплика принадлежит главному герою повести «Записки из подполья», в злости которого переплетены и метафизическая, и социальная составляющие [Ковалевская, 2025, с. 41]. Одинаковый ли смысл заложен здесь Достоевским в две однокоренные лексемы – «злой» и «злость»? В английском языке мы не обнаруживаем корня, способного объединить в себе все смыслы, и переводчикам приходится выбирать:

(8) *Это я наврал про себя давеча, что я был злой чиновник. Со злости наврал.* [т. 5, с. 100]

• *I was lying when I said just now that I was a spiteful official. I was lying from spite.* [Ga2, с. 181]

• *I lied about myself just now when I said I was an evil and angry official. I lied out of anger.* [Ja2, с. 4-5]

• *For a long time past I have been belying my own personality by calling myself an irascible fellow. It has been pure rancour that has made me tell that lie against myself.* [Ho, с. 7]

Гарнетт в примере (8), по-видимому, трактует пару *злой – злость* как двойное выражение одного и того же смысла, сохраняя один корень, близкий к русскому «злой по характеру»: *spiteful – spite*. Вариант Якима сохраняет «эмоциональное» противопоставление *angry – angry*, при этом в переводе Яким расщепляет одно многозначное русское прилагательное *злой* на два, реализующих сначала метафизическое понимание зла (*evil*), а затем эмоциональное (*angry*). Называя себя *злым*, подпольный человек у Якима сначала характеризует себя двояко – *evil and angry*, а «врёт» он уже из эмоциональной *злости – anger*. Хогарт не переводит, а перефразирует оригинал: «Долгое время я лгал о своей личности, называя себя вспыльчивым человеком. Чистая злость заставляла меня говорить о себе эту ложь» (оба раза наблюдается актуализация «эмоционального» смысла корня *-зл-*). Таким образом, более эквивалентным здесь является перевод Гарнетт, более адекватным (за счёт добавления компонента смысла посредством слова *evil*) – перевод Якима (при этом он менее эквивалентен ввиду расщепления одной характеристики на две). Перевод Хогарта нельзя высоко оценить ни по шкале эквивалентности, ни по шкале адекватности. Похожая ситуация наблюдается в следующем примере:

(9) *Я был злой чиновник.* [т. 5, с. 99]

• *I was a spiteful official.* [Ga2, с. 180]

• *I was an evil and angry official.* [Ja2, с. 4]

• *I was a bad civil servant at that.* [Ho, с. 6]

Гарнетт в примере (9) переводит *злой* как *spiteful* (сущностная характеристика). Однако, если подразумевать, что в сущностной характеристике подпольного человека содержится метафизический компонент, то у Гарнетт он теряется, а у Якима сохраняется. При этом *злой* у Якима «расщепляется» на *evil and angry*, покрывая два смысла из трёх: метафизический и социально-эмоциональный. Эквивалентность перевода примера (7) выше у Гарнетт, а адекватность – у Якима. Перевод Хогарта неэквивалентен и неадекватен: «плохой» – лишь один из компонентов семантики слова «злой» во всех значениях. На основании того, что в ни одна из найденных нами в переводах лексем не может содержать в себе все три

указанных смысловых компонента, мы предполагаем, что адекватный перевод русских антиаксиологем с корнем *-зл-* на английский язык крайне затруднён и возможен лишь при сознательном снижении уровня эквивалентности (переводы Якима (см. тж. примечание 18).

Раздел 4.3 «Композитные лексемы с корнем *-зл-*» представляет собой попытку рассмотрения вопроса о том, возможна ли не только эквивалентная, но и адекватная передача при переводе композитных лексем с исследуемыми корнями, на примере русских слов *злодей*, *злодейство* и *злодеяние*.

В английском языке для перевода этих слов существуют лексемы, состоящие из одного корня (*criminal* и *crime*), которые, согласно словарям, означают в первую очередь «преступник» и «преступление», а в переводах соответствуют русским *злодей* и *злодеяние*:

(10) Конечно, остроги и система насильных работ не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество **от дальнейших покушений злодея на его спокойствие**. [Т. 4, с. 15] – *There's no doubt, of course, that prisons and the system of forced labor don't reform criminals; they only punish them and protect society **against further attempts of these criminals to threaten its tranquility***. [Ja1, с. 16]

(11) Я видел в Тобольске знаменитого своими **злодеяниями** разбойника Каменева. [Т. 4, с. 40] – *I have seen at Tobolsk, Kamenev, a robber famous for his **crimes**...* [Ga1, с. 50]

Представлены в переводах и композитные лексемы, так же, как русские слова, включающие в себя и понятие «зло», и понятие «делать», например, *malefactor* и *evildoer*. В следующем примере демонстрируются разные степени адекватности и эквивалентности перевода:

(12) Положим, скажет кто-нибудь, что **арестант злодей и недостойн благодеяний**. [Т. 4, с. 139]

- Someone will say perhaps that **the convict is a wicked man and does not deserve kindness**. [Ga1, с. с. 181-182]
- Someone might say **that convicts are evildoers and don't deserve any kindness**. [Ja1, с. 182]
- I shall be told **convicts are malefactors, unworthy of compassion**. [Ed, с. 205]

В примере (12) у Гарнетт *злодей* – неэквивалентное словосочетание *wicked man*, «злой человек», у Якима более эквивалентный структурно композит *evildoer* (англ. *evil* – «зло» + *do* – «делать»). У Эдвардса *malefactor* представляет собой так же слияние смыслов «зло» + «делать», однако латинский корень *-male-* не является регулярным адекватным соответствием русскому *зло*. Учитывая указанные метафизические коннотации лексем *wicked* и *evil*, можно назвать первые два перевода наиболее адекватными.

В **Выводах по главе 4** подчеркивается, что для перевода большинства русских лексем с корнем *-добр-* в английских текстах встречаются лексические единицы с корнями *-good-* и *-kind-*. Первые могут выступать в качестве соответствий как в метафизической, так и в социальной сфере, вторые относятся исключительно к социальной. Учитывая неоднократно отмеченную выше

многосоставность образов Достоевского, наиболее адекватными во всех случаях будут переводные соответствия с корнем *-good-*, охватывающие обе сферы. Вещественное *добро* соответствует в переводах либо существительным со значением «вещи», «имущество», либо переводчики прибегают к описательной трансформации, полностью отступая от принципа сохранения эквивалентности. Адекватность перевода при этом снижается ещё и ввиду того, что русская лексема *добро* в вещественном значении имеет в словарях помету «разг.», которой нет у большинства соответствий в английских переводах (не только прагматическая, но и стилистическая неадекватность).

Отмечается так же тот факт, что в русском языке материальное и социальное описывается теми же словами, что и метафизическое: *добро* высшее – *добро* в человеческих взаимоотношениях – *добро* как вещи, обеспечивающие существование человека. В английском языке такой тенденции нет: нематериальное *добро* уже на языковом, а значит, и на мыслительном уровне отделено от материального. То же самое можно сказать и о существительных, соответствующих русскому *доброта* (*goodness* и *kindness* для социального, *quality* для вещественного понимания).

Перевод лексем с корнем *-зл-* представляет для переводчика большую проблему по причине того, что в английском языке нельзя выделить один корень, производные от которого могли бы «покрывать» все семы, актуализованные в русских лексических единицах. По этой причине переводчикам каждый раз приходится делать выбор, теряя смысловой потенциал. В этом случае они могут прибегать к разным стратегиям:

- 1) пытаться определить актуализованный смысл на основании языковой интуиции и переводческого опыта (перевод может быть эквивалентным на уровне языковых знаков, но определить его адекватность оценивающий может, только согласившись или не согласившись с точкой зрения переводчика);
- 2) использовать при переводе лексему, являющуюся одним из словарных соответствий русскому слову с корнем *-зл-* (перевод может быть эквивалентным, но неадекватным, особенно если переводчик невнимателен к контексту и / или плохо знаком с творчеством автора);
- 3) использовать при переводе лексему, не являющуюся регулярным словарным соответствием русскому слову с корнем *-зл-*, но имеющую требуемые семы в своём составе (перевод может быть неэквивалентным, но достаточно адекватным);
- 4) использовать приём описательного перевода, что максимально снижает эквивалентность, и здесь сохранение адекватности является следствием мастерства переводчика;
- 5) «расщеплять» русскую лексему на отдельные смысловые компоненты, переводя каждый отдельной лексемой, что сводит к минимуму эквивалентность перевода, при этом, как правило, повышается его адекватность.

В **Заключении** излагаются результаты проведённого исследования и намечаются его перспективы.

Диссертационное исследование, основывающееся на том, что русские аксиологические термины с корнями *-добр-* и *-зл-* покрывают обширный спектр значений, будучи направлены как от высших сил к человеку, так и от одного человека к другому (другим), показало следующее.

Зафиксированные в толковых словарях русского языка лексемы с корнем *-добр-* можно разделить на три семантических группы: лексемы, относящиеся к метафизической, социальной и вещественной сферам. Лексемы с корнем *-зл-* охватывают так же три сферы значений: метафизическая, социальная постоянная и социальная временная.

Для эквивалентного и адекватного перевода этих лексем и включающих их фрагментов текстов (в диссертации – единиц перевода) на какой-либо другой язык, переводчику необходимо разобраться с тем, какой смысл закладывался автором ИТ в то или иное словоупотребление, а затем подобрать в ПЯ максимально тождественное соответствие. Иногда для этого требуется лишь наличие переводного словаря и хорошее знание ИЯ, но для художественного перевода этого недостаточно, поскольку в данного типа текстах за одной формой может скрываться несколько смыслов, установить которые иногда сложно, а иногда невозможно или даже не нужно. В этом случае переводчик частично сам ответственен за своё понимание авторского замысла, а частично зависит от языковых средств ПЯ. Сохранение внешней формы ИТ в переводе и правильное обращение со словарной информацией может повысить эквивалентность перевода. Правильность понимания контекстной актуализации сем повышает его адекватность. Но при этом необходимо учитывать, что для произведений Достоевского определение объема актуализованных в (анти)аксиологемах смыслов через их разграничение – задача, практически противоположная смыслу его творчества: в большинстве его художественных образов за социальным стоит метафизическое, что неоднократно отмечали исследователи творчества писателя.

В реферируемой работе базовыми являются определение эквивалентности на уровне лексико-семантического соответствия [Комиссаров, 1990], и определение адекватности как критерия оценки семантико-стилистического и прагматического тождества исходного и переводного текстов [Ванников, 1988]. На основании применения двух данных критериев можно сделать несколько выводов, касающихся отдельно немецкого и английского языков:

1. Немецкий язык, благодаря наличию лексем с корнями *-gut-* и *-bo/ös-*, включающих в себя как метафизические, так и социальные и вещественные смыслы, позволяет добиться как эквивалентного в семантико-структурном плане, так и адекватного в прагматическом плане результата, то есть осуществить перевод практически без смысловых и прагматических потерь, сохранив в ПТ, как и в ИТ, единство формы и содержания, за счёт чего читателю предоставляется возможность самому решать, что именно он хочет видеть за этой формой, а значит, насколько адекватным получился перевод.

2. В английском языке для лексем с корнем *-добр-* возможно добиться эквивалентного и адекватного перевода, кроме тех контекстов, где русские лексемы имеют значения «имущество» и «качество» соответственно (т. е.,

относятся к материальной сфере бытия). Для перевода лексем с корнем -зл- достижение адекватности практически невозможно: в английском языке нельзя выделить один корень, производные от которого могли бы «покрывать» все смысловые составляющие, потенциально актуализующиеся в русских лексемах.

Ещё один вывод исследования заключается в том, что 1) эквивалентность художественного перевода может быть оценена объективно, если рассматривать её как многоуровневый критерий; в этом случае необходимо проводить оценку на каждом уровне отдельно; 2) адекватность художественного перевода является субъективным критерием оценки: сам оценивающий представляет себе как коммуникативную установку автора исходного текста, так и требования, которые он выдвигает к передаче этой установки при оценивании перевода.

В качестве **предпосылок к дальнейшему исследованию** можно указать на продолжение работы с однокоренными лексемами, не вошедшими в анализируемый материал (в том числе, с композитными), а также с другими единицами, относящимися как к аксиологемам и антиаксиологемам в частности, так и к абстрактной лексике в общем.

Основные результаты диссертационного исследования представлены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Чиркова Е.Н. Реализация характеристики «злой» при переводе на немецкий язык (на примере переводов прозы Ф.М. Достоевского) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. № 8. – С. 2990-2996. (0,8 п.л.)

2. Чиркова Е.Н. Существование *злодей* и его дериваты в словарях и в переводах на английский и немецкий языки (на примере переводов прозы Ф.М. Достоевского) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. № 10. – С. 3830-3836. (0,8 п.л.)

3. Чиркова Е.Н. Лексемы *добро* и *зло* как маркеры эквивалентного перевода (на материале английских переводов прозы Ф.М. Достоевского) // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2025. – № 3-2. – С. 237-244. (0,8 п.л.)

4. Чиркова Е.Н. Эквивалентность и адекватность при передаче аксиологических терминов (на примере лексемы «добро» в немецких и английских переводах прозы Ф.М. Достоевского) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. № 9. – С. 4010-4017. (0,8 п.л.)

Публикации в материалах всероссийских и международных научных конференций и сборниках научных трудов:

5. Чиркова Е.Н. Лексическая реализация характеристики «добрый» при переводе на немецкий язык // Сборник научных трудов по материалам III Всероссийской заочной научно-практической конференции «Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции». – Уфа: БГПУ. – 2024. – С. 235-244. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80378772&pff=1> (дата обращения 06.07.25). (0,5 п.л.)